

С. А. Шерстюков

**«БОЛЬШЕВИКАМ ПУСТЫНИ И ВЕСНЫ»:
СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ «ОТКРЫВАЮТ» СРЕДНЮЮ АЗИЮ (1930 г.)¹**

Автор статьи обращается к анализу нарративов советских писателей о Средней Азии, совершивших в 1930 г., в разгар культурной революции, поездку в Туркменистан. Результатом поездок бригад писателей по стране должно было статьявление убедительных и запоминающихся повествований об успехах «социалистического строительства». Исследуя то, какое место в текстах советских писателей, посетивших Среднюю Азию, занимали такие смысловые единицы как «история», «пространство», «ислам», «женский вопрос», «экзотика», автор пытается понять способы и приемы, которые использовались в это время для включения Средней Азии в пространство советского социалистического мира. Литература занимала особое место в конструировании «советского», однако ее роль в создании советской Средней Азии, по-прежнему мало изучена. Между тем исследование литературных текстов может расширить наши представления как о советской модерности в целом, так и о противоречивом опыте трансформации среднеазиатских обществ, результатом которой был не только разрыв, но и, нередко, преемственность с ранее существовавшими культурными, социальными и политическими практиками.

Ключевые слова: писатели, Средняя Азия, пространство, ориентализм, культурная революция, Туркменистан.

Sergey A. Sherstyukov

**«TO THE BOLSEVIKS OF THE DESERT AND SPRING»:
SOVIET WRITERS «DISCOVER» CENTRAL ASIA (1930)**

This essay analyses the narratives of Soviet writers on Central Asia who travelled to Turkmenistan in 1930 at the height of the Cultural Revolution. By focusing on several semantic blocks ('history', 'space', 'Islam', 'women' and 'exoticism'), the author tries to understand the ways and means Soviet writers used to incorporate Central Asia into the space of the Soviet socialist world. A few years after the Bolsheviks seized power in the region, filled with debates and struggles of various forces, Soviet Central Asia would emerge in place of Russian Turkestan. The «new-old» region had to be described and hence created through a new language. The role of literature in this process, given the literary centrism of the emerging Soviet society and power, was difficult to overestimate. The new government should not only have separated Russian Turkestan from Soviet Central Asia as decisively as possible, but should also have displaced, or at least marginalized ideologies alternative to Soviet ideology – above all Pan-Islamism, Pan-Turkism and also Pan-Iranism. Although the writers who came to Central Asia saw their task primarily as one of overcoming the past, nature, the «old world» and establishing the «new» man and society, in many cases they described not so much the overcoming as the complex combination and coexistence of the «old» and «new», signs of which were evident not only in the transformed space, but also in the people.

Keywords: Writers, Central Asia, Space, Orientalism, Cultural Revolution, Turkmenistan, Islam.

DOI: 10.31696/2686-8202-2021-2-106-120

Несколько лет назад исследователями из Кыргызстана Георгием Мамедовым и Ольгой Шаталовой был инициирован проект под названием «Понятия о советском в Центральной Азии», участники которого обозначили в качестве своей

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»)

сверхзадачи выработку «диалектически емкого» языка для осмысления советского, — «понятийного инструментария, который схватывал бы как эманципационное, так и репрессивное советского проекта, и учитывал его локальные проявления»². Публикации в рамках упомянутого проекта и ряд других работ показывают, что часть исследователей осознают необходимость поиска нового аналитического языка для описания феномена «советского», и, некоторые из них, пытаются создать площадки, которые могли бы стать своеобразными лабораториями для подобных поисков.

Может ли изучение советской литературы помочь выполнению этой задачи? Этот вопрос, скорее всего, следует формулировать по-другому — *в какой степени* изучение литературы способно приблизить нас к пониманию феномена «советского»? Насколько серьезен эвристический потенциал литературы, как источника по истории советского среднеазиатского общества, и в какой мере этот потенциал использован? Представляется, что между тем, что возможно с помощью анализа литературы как одного из исторических источников, и тем, что достигнуто, все еще сохраняется значительный зазор. Удачным примером обращения к литературе, позволившим предложить интересный взгляд на российскую имперскую историю является работа А. Эткинда «Внутренняя колонизация»³. Используемый автором концепт «внутренней колонизации» может быть весьма плодотворным и для изучения советского опыта (о чем упоминает сам автор), в том числе истории советской Средней Азии. На следующих страницах автор, опираясь на написанные в разных жанрах тексты советских писателей, исследует создаваемый ими сложный конструкт «советской Средней Азии», фокусируя свою оптику на нескольких смысловых блоках («история», «пространство», «ислам», «женщина», «экзотика»).

Интерес к Центральной Азии в российском обществе, пик которого пришелся на время завоевания региона, постепенно снижался. Российское общество и российская власть, отмечает российский исследователь С.Н. Абашин, словно забыли о Центральной Азии и редко вспоминали о ней как об экзотической окраине с руинами мавзолеев и минаретов⁴. Восстание 1916 г., которое стало прологом к последующим революционным потрясениям на пространстве бывшей Российской империи, снова напомнило и российской общественности и власти о регионе, процесс включения которого в общеимперское пространство, несмотря на произошедшие в нем с середины XIX века изменения, не был завершен.

Однако в 1917 г. произошли события, которые заставили центр на время забыть о далекой окраине. После того как Москве удалось, к началу 1920-х годов, укрепить свою власть в регионе, начался процесс, в результате которого бывшая окраина империи превратится через ряд промежуточных этапов, наполненных дискуссиями и борьбой разнообразных сил, в советские республики, организованные по национальному признаку. На месте Русского Туркестана возникла советская Средняя Азия.

«Новый-старый» регион, должен был описываться и, в значительной степени, конструироваться с помощью нового языка. Роль литературы в этом процессе, учитывая литературоцентризм формирующегося советского общества и власти, трудно переоценить. Новая власть предпринимала попытки не только как можно более решительно отделить Русский Туркестан от советской Средней Азии, но и, вытеснить,

² Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2: Центральноазиатское художественно-теоретическое издание / Сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек: Штаб-Press, 2016. С. 1.

³ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

⁴ Абашин С.Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // Ab Imperio, 2008 (4). С. 460.

или хотя бы маргинализировать идеологии, альтернативные советской — прежде всего панисламизм, пантюркизм, а также паниранизм. В случае с национализмом речь шла не столько о вытеснении, сколько о трансформации — результатом целенаправленных усилий большевиков должно было стать превращение буржуазного национализма в социалистический.

Российский антрополог А. Юрчак писал, что на ранних этапах советской истории роль господствующей фигуры, которая руководила идеологическим дискурсом, играл революционный политический и художественный авангард, который, располагаясь *за пределами* идеологического дискурса, постоянно комментировал и оценивал его из этой внешней позиции, внося в него свои корректизы. Годы революционных экспериментов постепенно сменились введением централизованного партийного контроля за идеологическим производством и презентацией⁵. С этого момента (вторая половина 1920-х годов), полагает Юрчак, уникальная роль господствующей фигуры советского идеологического дискурса перешла к Сталину⁶. Однако, как представляется, введение централизованного контроля партии за идеологическим дискурсом заняло больше времени, вследствие чего художественный авангард сохранял определенную степень автономии до начала 1930-х годов.

Новая, формирующаяся социалистическая литература должна была стать мощным инструментом культурной революции и социалистического строительства. В 1930 г. редакция «Литературной газеты» провозглашала включенность в это строительство главной писательской задачей: «Социалистическая перестройка мира — вот генеральная тема нашей литературы в реконструктивный период. Быть в центре этой перестройки, участвовать в ней всем существом, перестраивать себя и литературу — такова задача писателя сегодня»⁷. В постановлении ЦК ВКП (б) «Об издательской работе», принятом 15 августа 1931 г. указывалась, что задача художественной литературы «гораздо более глубоко и полно отразить героизм социалистической стройки и классовой борьбы, переделку общественных отношений и рост новых людей — героев социалистической стройки»⁸.

В 1930 г. группа ведущих советских писателей, принадлежавших к разным литературным течениям, совершила поездку в Туркменистан. Инициаторами поездки выступили Госиздат, Наркомпрос Туркменистана и газета «Известия». В «туркменскую бригаду» советских писателей, прозванную «ударной» входили Всеволод Иванов, Леонид Леонов, Владимир Луговской, Николай Тихонов, Петр Павленко и Григорий Санников⁹. Бригада проследовала по маршруту Ашхабад — Кушка — Мерв — Байрам-Али — Бухара — Керки — Чарджуй¹⁰. Поскольку одной из точек их маршрута была Бухара, писатели побывали также в Узбекистане. Поездки бригад советских писателей были формой подключения творческой интеллигенции к бригадному методу работы, распространявшемуся по всей стране. Часто итогом таких поездок становились коллективные сборники работ (в результате поездки «туркменской бригады» в 1932 г. был издан альманах «Туркменистан весной»). Различные

⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 50.

⁶ Там же.

⁷ Соловьева М.М. Писатель и социалистическое строительство (по материалам «Литературной газеты» 1930-х годов) // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 14 (1) 2014. С. 101.

⁸ «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / Составитель Д.Л. Бабиченко. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 93.

⁹ Иоффе Ф.М. Горький — Л.М. Леонов // Литературное наследство. 1963. Т. 70. С. 260.

¹⁰ Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. С. 213.

«писательские бригады» посещали стройки первой пятилетки, чтобы получить материал для своего литературного труда из первых рук¹¹.

В это время писатели не только совершали совместные поездки, но и экспериментировали с коллективным сочинением работ, а сами их тексты были наполнены этнографическими, географическими, экономическими и другими сведениями. На литературу, таким образом, возлагались задачи, выходившие за ее пределы, а создававшиеся в рамках этого видения произведения, должны были приближаться к научным исследованиям (или становиться ими). Об этой задаче писал Петр Павленко, один из участников «туркменской бригады», в начале очерка «Путешествие в Туркменистан», объясняя необходимость ее выполнения скоростью переживаемых Туркменией изменений: «Метод своеобразной статистики, приемы регистрации ландшафтов, костюмов и характерностей сегодняшней жизни, веществность и фактурность становились совершенно необходимыми, потому что через несколько лет ни одна эмоция, функционирующая в кара-кумских песках, не будет понятной без обрамления ее материалом о почвах и климате, о состоянии коллективизации или положении низшей школы»¹².

«Бригада» советских писателей направилась в Туркменистан для того, чтобы рассказать об успехах социалистического строительства в республике. Хотя, фактически, перед ними стояла более широкая задача — познакомить советских людей со Средней Азией, и, во многом, заново «открыть» этот регион. К этому времени в регионе уже шли масштабные преобразования — завершилось национально-территориальное размежевание, начиналась коллективизация, шло строительство водных каналов, развернулась кампания за «раскрепощение» мусульманских женщин. Конечно, в ходе поездки по Туркменистану, они общались с местными писателями и литературными организациями. В регионе, имевшем богатейшие литературные традиции, литература национальная и социалистическая делала первые шаги.

Увиденное и пережитое в ходе поездки писатели отразили в литературных текстах, созданных в разных жанрах (повести, путевые заметки, очерки, романы, стихотворения). Хотя написанные ими тексты вращались вокруг общих сюжетов, среднеазиатская действительность описана в них по-разному, и различия эти не только жанровые или стилистические, но и содержательные. От писателей и художников требовали показывать жизнь, какой она станет, а не какова она есть, т.е. пользоваться методом «социалистического реализма» вместо реализма буквального, «натуралистического»¹³. Тем не менее, тексты советских писателей свидетельствуют, что они пользовались этим методом избирательно, а сами они видели свою миссию не только в том, чтобы запечатлеть грандиозные преобразования (настоящие и будущие), происходившие в регионе, но и в том, чтобы успеть описать ту привлекавшую их «старую» действительность, которая должна была вскоре безвозвратно исчезнуть. «Еще три, четыре, пять лет — и начнет жить другая страна; и мы спешим литературно зарегистрировать сегодняшнюю, которая так и не была известна в искусстве»¹⁴, — так описывал Н. Павленко цель «туркменской бригады».

¹¹ Клейн И. Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время (пер. с нем. М. Шульмана под ред. автора). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/1/belomorkanal-literatura-i-propaganda-v-stalinskoe-vremya.html> (дата обращения 4.11.2021).

¹² Павленко П.А. Путешествие в Туркменистан // Павленко П.А. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1930—1951. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 8.

¹³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л.Ю. Пантиной]. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 16.

¹⁴ Павленко П.А. Путешествие в Туркменистан. С. 8.

У каждого из участников поездки были свои отношения с Востоком (и культурным, и воображаемым, и географическим), но их объединял интерес к Востоку, оставивший след не только в их литературном творчестве, но и в их биографиях.

Родившийся в Семипалатинской губернии Всеволод Иванов рано начал самостоятельную жизнь, освоил множество профессий, и в юности попытался совершить «путешествие» в Индию. Хотя он смог дойти только до Бухары, впоследствии он продолжил скитаться по Сибири, Уралу, Казахстану¹⁵. Позднее этот опыт нашел выражение в его автобиографических романах «Похождения факира» и «Мы идем в Индию».

Восточная тематика была конституирующей и для творчества Н.С. Тихонова, первый раз посетившего Туркмению в 1926 г.¹⁶ За страсть к путешествиям К. Федин назвал его «советским Пржевальским»¹⁷. Как и ряд других советских литераторов, Тихонов был увлечен глобальным революционным моментом начала 1920-х гг., со-здавая произведения, в которых образы мировой революции, охватывающей вслед за Европой страны Востока, приобретали отчетливые ориентальные черты. Этот мотив, в частности передан в стихотворении «Смерть бойца», написанного им в 1922 г., в котором были такие строки:

*«Из-за Рейна руки кричат ему,
Был Мюнхена лебедь ал,
На Востоке с красным серпом чалму
Качает каспийский вал»¹⁸.*

Опыт, полученный в результате поездки в Среднюю Азию, оказался крайне важным для поэта Владимира Луговского, прежде знакомого с Востоком только из книг, а Средняя Азия стала одной из главных тем в его творчестве. Свои впечатление от увиденного он обобщил в книге стихов, название которой повторило название его первого и самого известного стихотворения из «среднеазиатского цикла» «Большевикам пустыни и весны».

Впервые побывавший в Туркмении в 1931 г. Григорий Санников впоследствии еще не раз посетит этот регион. Впрочем, для Санникова это была не первая поездка на Восток, открывшего ранее для себя Аравию и Африку, и, подобно Тихонову и Луговскому, написавшему целый цикл «ориентальных» стихотворений¹⁹.

«История»

История Средней Азии, насчитывающая несколько тысячелетий, и ее зримое наследие в виде многочисленных сооружений — это то, что подпитывало интерес общественности к региону, как в царский, так и в советский периоды. Отношение к истории и ее памятникам являлось важным маркером, говорящем о наблюдателе и его восприятии региона. Оценки памятников могли быть самыми разными —

¹⁵ Иванов В.В. Лаборатория фантастики URL: <https://fantlab.ru/autor2060> (дата обращения 4.11.2021).

¹⁶ Казимов К. Туркмения в творчестве Н.С. Тихонова // Гуманитарные исследования 2010. № 2 (34). С. 76.

¹⁷ Лепехин М.С. Тихонов Н.С. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-били. словарь: в 3 т. / под ред. Н.Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 3. П-Я. С. 497.

¹⁸ Исаев Г.Г. Русская литература и мир ислама. К проблеме диалога культур. Астрахань: издательский дом «Астраханский университет», 2004. С. 18–19.

¹⁹ Лесневский С. Григорий Санников — лирический поэт стальной эпохи // Санников Г. Лирика. М.: Прогресс-Плеяда, 2000. С. 1.

от восхищения перед ними и признания их величия до разочарования, вызванного несоответствием увиденного ожидаемому. Дореволюционные авторы нередко подчеркивали контраст между величием памятником прошлого и общим упадком и застаем настоящего.

Если выразить отношение к прошлому советских писателей, приехавших в Среднюю Азию, то это отрицание прошлого, у которого, однако, было немало оттенков и нюансов. Один из главных мотивов, выраженных в их произведениях — мотив обесценивания прошлого, идея о том, что прошлое никому не интересно и никого не трогает и не удивляет. Леонид Леонов в очерке «Поездка в Маргян» писал: «Кто теперь в Мерве помнит Ездигерда III Сасанида, убитого под его стенами, или Кутайбу ибн Муслима, распространителя ислама, или братоубийцу Мамуна, Гарун-аль-Рашидова сына?... Какой чудак помнит их имена? Они растворились начисто в ветрах, как сахар...»²⁰. Современность превосходит прошлое, и ей нечему учиться у него: «Все это надменное глиняное величие, помноженное на тщеславие минутного завоевателя, вряд ли обольстит трезвого нынешнего человека... Мы уже познали железо и бетон, мы ценим мудрую прелесть канализации, словом вода мы привыкли определять не стоячий струй день грязного арыка, а то текучее и жизнетворное благо, одна мысль о котором дает прохладу. Да, наконец, и размеры великих человеческих сдвигов теперь куда внушительней, осмысленней и грозней, чем в смутные времена сирийца Антиоха»²¹.

Борьба за новую жизнь предполагала не просто отказ от прошлого, но разрушение всех следов прошлого, часть артефактов которого следовало просто утилизировать. Однако перед этим можно взглянуть последний раз на среднеазиатские «древности», запечатлеть их, и даже восхититься ими. «Я обхожу кругом. Мой фотоаппарат жадничает и торопится, потому что лицо сегодняшней Туркмении меняется... Кто знает! Может быть, и впрямь имеет смысл разворошить и запахать кое-что из этих древних дувалов, пропитанных солнцем и азотом, — они великолепные удобренья, по утверждению здешних агрономов»²². Петр Павленко в очерке «Утильсырые» выразил эту идею в еще более радикальной форме: «Стара экзотика Бухары, стара — слаба. Я видел древности почтенного Хоросана, пыльные кладбища Эрзрума, голубое солнце Скутари, я хорошо чувствую эту старую терпкую пыль тысячелетних городов, но пыль Бухары горька, как табачная, и ничего, кроме злого раздражения, не вызывает она у меня... Всю Бухару надо срыть и отправить в утильсырые для рассыпки, как удобрение»²³. «Туркмения прошлого ликвидируется, последние потомки Тимура и Чингиз-хана съезжают из туркменской истории»²⁴.

Идея разрыва с прошлым и отрицание преемственности с ним даже там, где она видна невооруженным глазом вела к утверждению о том, что Средняя Азия вышла из замкнутого цикла своей истории, состоящего из набегов, сменяющих друг друга династий, периодических засух и наводнений, угнетения богатыми бедных — порядок жизни, существовавший тысячелетиями и освященный традицией и религией, рухнул. История Средней Азии «распрямилась» и «обнулилась», народ стал субъектом истории, история началась с чистого листа. В стихотворении Луговского «Туркмения» «старая» Туркмения противопоставлялась «молодой» Туркмении, над которой не властны прежние законы и силы²⁵. Интересно при этом, что исходя из тек-

²⁰ Леонов Л. Поездка в Маргян // Туркменистан весной. Альманах. Москва-Ленинград: «Государственное издательство художественной литературы», 1932. С. 423–424.

²¹ Там же. С. 423.

²² Там же. С. 428.

²³ Павленко П.А. Утильсырые // Павленко П.А. Собрание сочинений. С. 20.

²⁴ Павленко П.А. Путешествие в Туркменистан // Павленко П.А. Собрание сочинений. С. 8.

²⁵ Луговской В. Туркмения // Луговской В. Стихи о Туркмении: 1930–1954. Ашхабад: Туркменское гос. изд-во, 1955. С. 32–33.

та стихотворения Туркмения — это страна с долгой историей, а не республика, образовавшаяся пять лет назад. Республика молодая, но Туркмения — старая. Недавно созданные республики следовало утвердить в истории, онтологизировать, в том числе и средствами литературы²⁶.

Отношение к прошлому советских литераторов, однако, не было таким однозначным, как может показаться на первый взгляд. В их текстах можно найти не только призывы к отрицанию прошлого, но и идеи о необходимости учиться у прошлого, использовать опыт прошлого и сохранять оставшиеся памятники прошлого. Герой повести Павленко «Пустыня» формулировал в отношении прошлого позицию, которая выглядела не соответствующей духу эпохи «великого перелома»: «Я за гибкость, за приспособление к конкретным условиям, за твердый учет цели. Почему в Туркмении надо повторять опыт Закавказья или Поволжья? Учиться на образцах? Но ведь образцы здесь, под рукой, все эти развалины древних поселений, остатки тутовых рощ, следы засыпанных каналов и иссякших колодцев. Вот что должно быть для нас классическими образцами»²⁷.

«Пространство»

Советского государства, будучи модерным государством, огромное внимание уделяло упорядочиванию пространства, выстраиванию пространственного порядка²⁸. В 1926 г. советское правительство начало строительство Туркестано-Сибирской магистрали, одну из крупнейших строек первой пятилетки, закончившейся в 1931 г. В том же году известный советский писатель Виктор Шкловский выпустил книгу «Турксиб», в которой автор рассказывает советским детям о значимости этой дороги для страны. В нескольких простых предложениях можно увидеть контекст, который стал определяющим для истории советской Средней Азии, в том числе отношение к этому региону и его восприятие центром, неизбежную хозяйственную хлопковую специализацию и столь же неизбежную, почти фатальную водную проблему. «Хлопок — растение южное. Юга у нас много — Кавказ, Узбекистан, часть Казахстана. Но хлопок требует не только тепла — он требует воды. А воды на юге немного. И хлопка нам не хватает»²⁹. Далее автор предлагает поехать в другую сторону, в Сибирь, где воды много и много хлеба. «Хорошо бы отправить хлеб из Сибири в Среднюю Азию, в Узбекистан. Пускай они сеют только хлопчатник»³⁰. «...между Сибирью и Узбекистаном лежит тысяча четыреста километров... это много, очень много. Но что делать? Может быть, отказаться от хлопка? Нет, хлопок нам нужен. Делать надо дорогу. Зовут ее Турксиб³¹. Дорога свяжет Сибирь, Туркестан, Казахстан в одно плановое хозяйство»³².

Пространства заканчиваются на границах³³. Советские писатели, побывавшие в Туркменистане, фокусировали свое внимание на разнообразных проектах переустройства пространства (создания водных каналов, поворота рек, «наступления»

²⁶ Чухович Б. Sub rosa: От микроистории к «национальному искусству» Узбекистана // Ab Imperio, 2016 (4). С. 129.

²⁷ Павленко П. Пустыня // Туркменистан весной. С. 302.

²⁸ Остерхаммель Ю. Трансформация мира: История XIX века. Главы из книги // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 132.

²⁹ Шкловский В.Б. Турксиб. Обл. и оформление книжки В. Лашетти и М. Серегина. 2-е изд. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 5

³⁰ Там же. С. 12.

³¹ Там же. С. 13

³² Там же. С. 32.

³³ Остерхаммель Ю. Трансформация мира: История XIX века. С. 132.

на пустыню), и на советских границах. Одной из значимых точек их маршрута было посещение афганской границы, в частности крепости Кушка, ставшей когда-то крайней точкой российского продвижения в сторону Афганистана и Индии и одновременно символом российско-британского разграничения в этом регионе. Пограничное положение Средней Азии — это то, что во многом определяет их восприятие региона. В. Луговской в стихотворении «Большевикам пустыни и весны» среди четырех важнейших категорий работников — работников пустынь, полей и воды, приветствует и работников границ³⁴. Их волновала близость Индии, их тревожил и интересовал соседний Афганистан. Большевики были интернационалистами и стремились уничтожить границы во имя борьбы классов. Поэтому в те годы доминировал образ передовой линии, фронтира революции, которая, как предлагалось, будет распространяться от одной советской республики к другой³⁵. Границы могут меняться, но только в сторону расширения. «Что такое Туркменистан? — спрашивал Павленко в своем очерке, — это республика самых южных пустынь Союза, таких южных, что южней пока еще некуда»³⁶.

Граница — это источник угроз («Но злоба конскими подковами звучит, и от границы мчатся басмачи»)³⁷, но одновременно еще и передовой форпост социализма в Азии и его витрина. Петр Павленко указывал на проницаемость границы и на притягательность Советского Союза для населения соседних стран. «Караваны Афганорусса³⁸ входят в Кушку со стороны поселка Полтавского, учредившего Украину хат и садиков на прирубежных пустоشاх. Кушка, бывшая крепость, обнесена стеной... Раньше, до революции, ни один азиат не проникал внутрь стен. Теперь иные законы: сдав груз, караванщики сходятся в кооперативе, где, как на выставке счастья, долго и чувствительно выбирают ситцы, чайную посуду и парфюмерию... Возвращаясь к себе домой, они рассказывают о Кушке. Слух идет со скоростью ветра, ветер в Индию быстр, в деревнях Северной Индии запоминают славные случаи, происшедшие с поводырями верблюдов в городках за советской границей»³⁹.

Павленко также обращал внимание на значимость фактора границы как границы социализма для самовосприятия декхан Боссагинского колхоза, живущих на границе с Афганистаном. «В их словах чувствуется сознание того, что они показатели советского рубежа, пограничные столбы, сама граница, То, что их жизнь еще во многом схожа с зарубежниками, раздражает их. Они рады любому мелочному обновлению своей жизни. Чем больше они становятся непохожими на тех, за рубежом, тем азартнее их жизнь»⁴⁰, — писал он. Этот эпизод можно трактовать двояко — и как свидетельство формирования новой, советской идентичности у декхан, и, если следовать постколониальным теориям, критикующим ориентализм — как пример колониального восприятия, предполагающего не только конструирование Другого, но и лишения его собственного голоса и субъектности, возможности саморепрезентации.

Российская революция 1917 г. нашла отклик в колониальном мире, а пришедшие к власти большевики предприняли значительные усилия для революционизации

³⁴ Луговской В. Большевикам пустыни и весны // Туркменистан весной. С. 251–252.

³⁵ Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики, 1920–1940-е / Сабин Дюллен; [пер. с фр. Э. Кустовой]. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 16.

³⁶ Павленко П.А. Мерв-Кушка // Павленко П.А. Собрание сочинений. С. 86.

³⁷ Луговской В. Большевикам пустыни и весны // Туркменистан весной. С. 252

³⁸ Смешанное акционерное общество экспортно-импортной торговли с Афганистаном при Народном комиссариате внутренней и внешней торговли СССР. URL: <https://tashkent.archive.uz/search-data?page=142&sort=-address> (дата обращения 4.11.2021).

³⁹ Павленко П.А. К вопросу о культуростроительстве в пограничных районах // Павленко П.А. Собрание сочинений. С. 34.

⁴⁰ Павленко П.А. Мерв-Кушка // Павленко П.А. Собрание сочинений. С. 11.

этого мира. Средняя Азия рассматривалась ими в этот период и как «окно» и как плацдарм для продвижения революции на Востоке. Однако, уже к середине 1920-х гг. Москва скорректировала свой политический курс, отказавшись от планов немедленного экспорта революции на Восток. Тем не менее, посредством Коминтерна и через другие официальные и неофициальные каналы она продолжала поддерживать коммунистические, и антиколониальные движения на Востоке. В анализируемых текстах, однако, не только проводилась идея о том, что советский опыт волнует воображение соседних народов, но и выражалась уверенность в том, что революция не остановилась, а, после некоторого перерыва, двинется дальше — в Индию, в Афghanistan, Персию. В. Луговской писал в своем стихотворении «Красная звезда Востока» о переходе в Советский Союз (в «Земли Красной звезды») из Аfghanistanа племени гильзаи. Стихотворение заканчивается словами «передового», ведущего за собой племя и вышедшего против «незрячих сил природы»:

«Люди ищут страну
своего человечьего счастья —
Землю Красной звезды —
под солнцем и под луной,
До поры, когда страны,
разодранные на части
Станут одной страной»⁴¹.

Одним из героев очерка Н. Тихонова «Белуджи» стал «интернациональный большевик» латыш Шкильтер, которого автор называет «кочевником пролетарской революции», поскольку тот «прошел в пролетарских легионах путь от Вольмарса и Вендела до Гиндукуша»⁴². Но его путь не окончен: «за тобой, продолжает автор, осталась еще битва на Инде, и ты введешь свои железные сапоги в теплые воды Индийского океана»⁴³.

«Экзотика»

Одна из целей, которую ставили перед собой советские писатели в рамках их поездки в регион — отказ от экзотизации при описании региона, создание языка, преодолевающего взгляд на Среднюю Азию как на далекую и экзотическую окраину. Эту мысль Л. Леонов высказал вскоре после приезда в Туркмению: «...главная опасность для приезжего писателя — одностороннее увлечение «экзотикой» края, такой самобытной, нарядной и зачастую нищей по существу... борьба с такой экзотикой и является борьбой за новую культуру и быт»⁴⁴. Данная цель отражала происходящий сдвиг первоначальной «экзотизирующей» точки зрения на население окраин бывшей империи к «модернизирующей» точке зрения, предписывающей и официальную номенклатуру национальностей, и облик, который они должны иметь в советском обществе⁴⁵. Именно на этом, модернизующем аспекте еще раз делал акцент Леонов в своем очерке, подчеркивая, что борьба с экзотикой не означает борьбы с национальной культурой: «Туркмения в борьбе за новый свой быт, прежде всего,

⁴¹ Луговской В. «Земли Красной звезды» // Туркменистан весной. С. 274.

⁴² Тихонов Н. Белуджи // Туркменистан весной. С. 394.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Цит по: Исаев Г.Г. Русская литература и мир ислама. С. 32

⁴⁵ Абашин С.Н. Рец. на: Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005. 367 р. // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 166.

должна будет скинуть с себя нарядные лохмотья среднеазиатской экзотики, под которыми искусно прячутся нищета, высокая заболеваемость, невежество. По своему опыту мы знаем, что это трудно... и возможно. Мне пришлось говорить об этом в Ашхабаде на одном людном вечере; мне возражал там человек в пышной белой папахе: ему непременно хотелось думать, что под экзотикой я разумею национальную туркменскую культуру. Немыслимо, чтобы этот патриот протестовал против электрической лампочки в кибитке, против лечебниц в ауле, против стоячих коврodelьческих станков; вечер был шумный, вероятно, мы взаимно не поняли друг друга⁴⁶. Важным мотивом, декларируемым советскими писателями, был мотив десакрализации, демифологизации «старого мира», лишения его ореола таинственности.

Однако, критикуя и отрицая экзотику, отказываясь от этого понятия, они сохранили свойственное экзотизирующему взгляду восприятие региона — поездка в Среднюю Азию для столичных писателей и связанные с ней впечатления — это экзотическое приключение, в котором есть риск, дикая природа и необычные люди. В. Луговской охарактеризовал свою поездку в регион как «фантастическое приключение». В письмах к невесте он не сдерживал своего восторга, он был совершенно очарован, как будто оказавшись на «настоящем» Востоке, знакомом из сказок и описаний европейских путешественников. В письме, написанном в стиле, больше напоминающем стихи, чем прозу он описывал посещение афганской границы: «Семь дней мы пробыли на афганской границе в районе Кушки. Жизнь крепости... Шли бесконечные караваны... Пограничные посты, контрабандисты и разбойники. Снеговые вершины Пара-Памиза и Гиндукуша. На весь горизонт моря, озера красных тюльпанов... Колокола караванов. Афганцы в черных жилетках, шитых серебром, с длинными кудрями. Ковры и фаланги. Потом район Иолатани. Верхом 54 версты к Керим-хану. Уцелевший феодал — вождь белуджей (25 000 человек из Британской Индии). Шатры в пустынных степях. Колossalная черная палатка хана. Телохранители. Угощение на коврах, длиннейший пир с рассказами об охоте, винтовках, конях и перестрелках. Живописные костюмы свиты и младших ханов. Дикая помесь советизации и феодализма. Четыре жены (одна очень красавая) во второй половине палатки... Ночевали в особом для нас шатре на коврах и сутанах. Силуэты верблюдов на звездном небе»⁴⁷. Луговского не случайно в дружеском кругу называли «советским Киплингом»⁴⁸. В этом описании все элементы ориенталистского мифа — и «дикость» и «красота», и «восточный колорит» — и, если не знать автора и время, это описание вполне можно принять за рассказ какого-нибудь европейского путешественника или ученого XIX века.

Через критику экзотики советские литераторы находили способ воспеть ее, иногда, впрочем, они прямо признавали неспособность отказаться от «очарования» экзотики. «Так вот он Мерь, Марг, Маргян, Моуру, — писал Леонов, — вот он пуп земной на Мургабе, центр исламистских праведников и ереси несторианской, ночлег каракумских ветров и могильник уснувших народов! Я ждал почему-то тесноты, причудливых нагромождений камня, таких же как на кладбище в Бухаре, когда становится душно от многих тонн человеческих эмоций, незримо слежавшихся тут и приобретших цементную плотность. Я зря готовился сопротивляться очарованью экзотики, мёртвой и живой; тут было привольно, солнце проникало всюду, и нигде не было преграды моему красноармейскому коню»⁴⁹.

⁴⁶ Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». С. 214–215.

⁴⁷ Луговской В.А. «Мир вцепился в мое сердце, как рысь»: письма 1920–1930-х годов // Знамя. 2006. № 5. С. 141.

⁴⁸ Там же. С. 128.

⁴⁹ Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: «Молодая гвардия», 2010. С. 216.

В то же время, экзотика это не только древности, современные им реалии также экзотизируются. Г. Санников в своем романе в стихах «В гостях у египтян», призывая московских писателей ехать в Среднюю Азию, формулировал взгляд, в котором экзотика не противопоставляется «новым стройкам», а наряду с ними является одной из причин для того, чтобы совершить поездку в регион:

«Что вам делать в Москве, писатели,
Юбилейничать или крыть друг друга?
В Средней Азии, знаете ли,
Всяких тем благодатный угол.
Там романтика и героика,
И экзотика с басмачами,
Доисламские древности, новые стройки
И луна, чтобы вы не скучали»⁵⁰.

«Женщина»

Одной из самых амбициозных и вместе с тем одной из самых сложных задач, которую пытались решить большевики в ходе осуществляемых ими преобразований в Средней Азии, была политика, направленная на «раскрепощение» мусульманских женщин⁵¹. Семья и положение женщины в «особых обстоятельствах» Средней Азии были выдвинуты на первый план в большевистском переустройстве мира⁵². Конечно, прибывшие в регион писатели не могли не затронуть этой темы. В их работах, написанных в результате поездки в Среднюю Азию, представлена целая галерея женских образов. Стремясь создать, прежде всего, образ «новой», «освобожденной» женщины, при описании положения женщины в традиционном обществе они следовали устоявшимся ориенталистским клише, которые иногда просачивались и в изображение «новой» женщины. Героиня «романа в стихах» Г. Санникова Угуль Джураева — комсомолка, студентка сельфака САГУ, и после сбрасывания паранджи сохраняет в себе «восточные» черты, привлекательные для лирического героя его произведения:

«Ему был мил акцент нерусский
Немного дикий и пугливый
Прямой и быстрый взгляд Угуль
Оно понятно, что пугливость
Ей свойственна, как двадцать лет,
Как черный шелк волос с отливом
Как масть восточная, как след
Покорности и униженья
Узбекской женщины она.
Она прямое отраженье —
Порыв и робкая весна»⁵³.

---

⁵⁰ Санников Г. «В гостях у египтян» // Туркменистан весной. С. 94.

⁵¹ Шерстюков С.А. «Раскрепощение» женщин-мусульманок в Центральной Азии: стратегии со-противления и способы адаптации (1920–1930-е гг.) // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 148.

⁵² Большакова О.В. Гендер на окраинах советской империи (Сводный реферат) // История России в современной зарубежной науке / ред. О.В. Большакова. М.: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2011. Часть 3. С. 59–60.

⁵³ Санников Г. «В гостях у египтян» // Туркменистан весной. С. 69–70.

Работа среди мусульманских женщин предполагала, прежде всего, вовлечение их в экономическую деятельность, начавшаяся в 1930 г. коллективизация еще больше усилила этот акцент, и, с точки зрения партии, эмансипация женщин и вовлечение их в социалистическое производство было частью одной и той же задачи⁵⁴. Эта особенность советского проекта эмансипации женщин хорошо передана в рассказе Н. Павленко «Шелк», герой которого Анна-Мамед используя язык, близкий к языку партийных постановлений, описывает то, как необходимо выстраивать гендерные роли для наиболее эффективного производства шелка: «Шелководство — артельное дело. Две женщины вместе выкормят больше червей, чем три женщины порознь. Шелководческие артели должны быть закреплены за женщинами, за стариками, за сиротами. Мужской труд нельзя отрывать от хлопка, от орошения. Шелк — это текстильсыре на базе раскрепощения женщины»⁵⁵. Андрей Платонов, посетивший Туркмению в 1934 году в составе другой писательской бригады, в своей записной книжке высказался о «женском вопросе» в республике со свойственной ему проницательностью: «Женщина в Туркмении лишь символическое место социально-хозяйственных страстей, а не сама по себе драгоценность; она условный узел общественных битв»⁵⁶.

«Ислам»

Большая часть если не все повествовательные линии в рассматриваемых текстах сводились к исламу: история, экзотика, люди и пространство, «женский вопрос», к какому бы сюжету не обращались прибывшие в Среднюю Азию писатели, рассказывали ли они о прошлом или о современности, ислам должен был занять важное или центральное место в их нарративе. Описываемое ими пространство культурной жизни было организовано вокруг исламских сооружений, мечети и медресе были зрителем напоминанием о веках предыдущей истории, «закрытые» женщины, дервиши и муллы — знаком того, что ислам — не только прошлое, но и настоящее. Ислам воспринимался как главное препятствие не только на пути «эмансипации» женщин, но и на пути советизации региона в целом, а служители исламского культа как главные враги новой власти. Образ покинутой мечети — наиболее частый образ, использовавшийся писателями при описании исламских сооружений, упадок и запустение которых должны были символизировать кризис ислама. Н. Тихонов использовал подобный прием в заметке «Святая» мануфактура», делая переход от «посеревшей от старости» мечети к картине всеобщего упадка всего, что связано с исламом: «Мечеть в Астанабаба испытанной древности. Она посерела от старости, и купола ее похожи на великанские страусовые яйца, вмазанные в глину. Молитвенные дома окрестных аулов запущены, стены покрыты арабскими надписями не священного содержания, мулл нет, обряды не соблюдаются, запустение могил бросается в глаза... Ислам умирает на глазах, кое-где окаменев, кое-где запаршивев»⁵⁷.

Однако при описании людей, а не сооружений, картина становилась более сложной. В заметке о поездке по Заравшанской долине Тихонов рассказывает о сопровождавшем их спутнике Касыме, которого он охарактеризовал как «нового че-

⁵⁴ Kandiyoti D. The politics of gender and the Soviet paradox: Neither colonized, nor modern? // Central Asian Survey. 2007. 26 (4). P. 608.

⁵⁵ Павленко Н. Шелк // Туркменистан весной. С. 439–440.

⁵⁶ Платонов А.П. «...Я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / Андрей Платонов; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. М.: Астрель, 2013. С. 363.

⁵⁷ Тихонов Н. «Святая» мануфактура // Тихонов Н. Кочевники. М.: издательство «Федерации», 1931. С. 149–150.

ловека», «со свободными взглядами на многое»⁵⁸. В то же время, описывая поведение Касыма в доме хозяев, у которых путники остановились на ночлег, автор заметил: «Касым раздвоился. Он вел беседу, как подобает учтивому магометанину, но, обращаясь к нам, снабжал речь острыми бунтовскими примечаниями»⁵⁹. Фактически автор писал о «двойной» (или «раздвоенной») идентичности человека, который являлся одновременно и «учтивым мусульманином» и «новым человеком», и мог обращаться (в зависимости от контекста и окружения) как к «старым», освещенным традицией, так и к «новым» нормам, практикам, образцам поведения.

В повествованиях советских писателей о Средней Азии есть эпизоды, где рассказ о повсеместном наступлении «новой жизни» неожиданно прерывается и происходит переход в другой регистр, в котором возможно признание как ограниченности преобразований, так и силы традиции. Так, Тихонов в очерке «Узбекский Вавилон (Ташкент)» сначала не скрывая удивления, описывал, как под сводами Царской мечети гремит барабан и оттуда «выходят вереницы пионеров. Над горячими галстуками живут большие глаза и темно-медные лица. Я пробегаю по ним. Это не ошибка. Ни одного русского. А мечеть? А медресе? — спрашивал автор — Мечеть стоит и в нее залетают горлицы — над ней висит небо пустыни, а медресе больше нет — есть советская школа и в ней учатся пионеры»⁶⁰. Образы покинутой мечети и медресе, преобразованной в советскую школу, как кажется, не требовали дополнения, и повествование могло бы двинуться дальше, но автор в следующих предложениях фактически признает, что увиденное им — только первые шаги к «эмансипации» женщин, и что девочки, окончившие советскую школу, не обязательно превратятся в «свободных» женщин: «Но девочки-пионерки вырастут и закроют они сеткой красный галстук и значок КИМ? Разве это дело? Пока еще нет силы окончательно разломать эти желтые, горячие дувалы, снять это гнетущее покрывало с тысяч узбекских женщин и наполнить воздух «ичкарами» — женской половины дома — свободной, громкой речью. Что поделать!»⁶¹ Вместо картины доживающих последние дни реликтов «старого мира», которым нет места в возникающем пространстве социалистического мира, перед читателем возникал другой образ — образ небольших островков «нового» в море «традиционного».

* * *

Хотя прибывшие в Среднюю Азию писатели видели свою задачу, прежде всего, в том, чтобы показать преодоление прошлого, природы, «старого мира» и становление «нового» человека и общества, во многих случаях они описывали не столько преодоление, сколько сложное сочетание и сосуществование «старого» и «нового», признаки которого были заметны не только в преображенном пространстве, но и в людях. Литературные тексты, отразившие противоречивый опыт модернизации региона, могут быть ценным источником для исследователей, стремящихся понять, как возник «сложный гибрид социальных и культурных идентичностей в современной Центральной Азии»⁶², и, в более широкой перспективе, как возникала одна из моделей альтернативной современности. В повествованиях советских писателей, посетивших регион, подчеркивалось, что новая власть принесла формы организации, знания, и кадры, которые помогут преодолеть «отсталость», но, иногда

⁵⁸ Тихонов Н. В кишлаках (Долина Зеравшана) // Тихонов Н. Кочевники. С. 173

⁵⁹ Там же. С. 180.

⁶⁰ Тихонов Н. Узбекский Вавилон (Ташкент) // Тихонов Н. Кочевники. С. 161–162.

⁶¹ Там же. С. 162.

⁶² Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004. P. 7.

в них встречались признания того, что ее действия в регионе — это поле экспериментов. На этом, экспериментальном аспекте российского / советского опыта в регионе фокусируются и некоторые современные исследователи, полагающие, что Средняя Азия была и для Российской империи и для СССР своеобразной «цивилизационной лабораторией», и что этот регион помог Советской России определить большевизм для колониального мира⁶³. Другие авторы рассматривают данный регион, как пример «чистого ориенталистского эксперимента»⁶⁴.

Подводя итог, отмечу, что исследование литературных текстов может расширить наши представления как о феномене «советского» в целом, так и о месте Средней Азии в советском глобальном проекте.

Список источников и литературы

- Луговской В. Стихи о Туркмении: 1930—1954. Ашхабад: Туркменское гос. изд-во, 1955. 109 с.
- Луговской В.А. «Мир вцепился в мое сердце, как рысь»: письма 1920—1930-х годов // Знамя. 2006. № 5. С. 127—151.
- Павленко П.А. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1930—1951. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 544 с.
- Платонов А.П. «...Я прожил жизнь»: Письма. 1920—1950 гг. / Андрей Платонов; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. М.: Астрель, 2013. 685 с.
- Санников Г. Лирика. К 100-летию со дня рождения поэта. М.: Прогресс-Плеяда, 2000. 136 с.
- «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925—1938 гг. Документы / Составитель Д.Л. Бабиченко. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 319 с.
- Тихонов Н. Кочевники. М.: Издательство «Федерации», 1931. 208 с.
- Туркменистан весной. Альманах. М.-Л.: «Государственное издательство художественной литературы», 1932. 450 с.
- Школовский В.Б. Турксеб. Обл. и оформление книжки В. Лацетти и М. Серегина. 2-е изд. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 32 с.
- Абашин С.Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // Ab Imperio, 2008 (4). С. 456—471.
- Абашин С.Н. Рец. на: Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005. 367 p. // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 165—168.
- Большакова О.В. Гендер на окраинах советской империи (Сводный реферат) // История России в современной зарубежной науке / ред. О.В. Большакова. Москва: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2011. Часть 3. С. 58—64.
- Горшенина С., Чухович Б., Средняя Азия как феномен чистого ориенталистского эксперимента (1860—1990-е годы) // Transoxiana: История и культура: [Сборник научных статей]. Сост. Никитенко Г.Н., Отв. ред. Сайдов А.Х. Ташкент, Москва: изд-во Р. Элиннина, 2004. С. 339—346.
- Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики, 1920—1940-е / Сабин Дюллен; [пер. с фр. Э. Кустовой]. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 416 с.
- Иванов В.В. [Электронный ресурс]. URL: <https://fantlab.ru/autor2060> (дата обращения 04.11.2021).
- Йоффе Ф.М. Горький — Л.М. Леонов // Литературное наследство. 1963. Т. 70. С. 245—266.
- Исаев Г.Г. Русская литература и мир ислама. К проблеме диалога культур. Астрахань: изда-тельский дом «Астраханский университет», 2004. 147 с.
- Клейн И. Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время (пер. с нем. М. Шульмана под ред. автора) // <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/1/belomorkanal-literatura-i-propaganda-v-stalinskoe-vremya.html> (дата обращения 04.11.2021).

⁶³ Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004. P. 7—8.

⁶⁴ Горшенина С., Чухович Б., Средняя Азия как феномен чистого ориенталистского эксперимента (1860—1990-е годы) // Transoxiana: История и культура: [Сборник научных статей]. Сост. Никитенко Г.Н., Отв. ред. Сайдов А.Х. Ташкент, Москва: изд-во Р. Элиннина, 2004. С. 339—346.

- Кязимов К.* Туркмения в творчестве Н.С. Тихонова // Гуманитарные исследования 2010. № 2 (34). С. 76–79.
- Лепехин М.С.* Тихонов Н.С. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь: в 3 т. / под ред. Н.Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 3. П-Я. С. 496–500.
- Остерхаммель Ю.* Трансформация мира: История XIX века. Главы из книги // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 21–140.
- Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2: Центральноазиатское художественно-теоретическое издание / Сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек: Штаб-Press, 2016. 578 с.
- Прилепин З.* Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. 569 с.
- Соловьева М.М.* Писатель и социалистическое строительство (по материалам «Литературной газеты» 1930-х годов) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 14 (1) 2014. С. 100–105.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л.Ю. Пантин]. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.
- Чухович Б.* Sub rosa: От микроистории к «национальному искусству» Узбекистана // Ab Imperio, 2016 (4). С. 117–154.
- Шерстюков С.А.* «Раскрепощение» женщин-мусульманок в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.) // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 148–160.
- Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
- Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 604 с.
- Northrop D.* Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004. 392 p.
- Kandiyoti D.* The politics of gender and the Soviet paradox: Neither colonized, nor modern? // Central Asian Survey. 2007. 26 (4). Pp. 601–623.